

УДК 124.2+215

А. В. Гижа

(к. филос. н., доц.)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, ДНР)

E-mail: 19andrey06@mail.ru**ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО И РЕЛИГИЯ**

***Аннотация.** Автор рассматривает проблему выбора основания для формирования идеологии будущего. Сделан обзор существующих вариантов. Один из них, связанный с актуализировавшейся ныне религиозной концептософией и соответствующей практикой, критически прояснен. Показана фактическая невозможность для религии выполнения роли идеологического основания. Такое положение следует из понятийных трактовок идеологии и религии как историко-культурных феноменов с разделяющимися социальными и экзистенциальными функциями.*

***Ключевые слова:** религия, наука, идеология, будущее, архаика, гуманизм, единство, трансценденция.*

Взаимная сочетаемость мышления и бытия, до сих пор являющаяся во многом камнем преткновения для общественного сознания, определяется и выражается в форме культуры, в создании символического космоса, заключающего смыслы, значения, прерогативы, интенции, догматику и убежденность индивидов. В свою очередь вся эта символическая машинерия взыскует определенный тип действия, кристаллизирующийся в повседневности и как уяснение бытовых условий жизни, и в виде мировоззренческих и трансцендентальных ориентаций. Последние столь же идеальны, сколь и материальны, их следует брать не в декларации, но в соотношении с практикой реализации. Рассмотрим эти ориентации в их основных формах религии и идеологии.

Переходной формой от религии к идеологии является протестантизм. В нём сочетаются оба этих компонента, но их действие не равноценно – рождающийся формализм буржуазных отношений доминирует и подчиняет религиозный аспект. Это напоминает стремление полностью переложить высокую поэзию в прозу, а последнюю – в инструктивно исчерпывающее изложение. То же видим и в англиканской церкви с её упрощенным богослужением, где, например, евхаристия подана как простое и житейски понятное воспоминание о Христе, т.е. предельно трезво и рационально, как формальная дань традиции. Мистическое ядро внутреннего опыта всеединства, массово пережитого в образном и эмоциональном виде – что является основой для религиозных форм жизнедеятельности в их начальном виде – сменяется, мало-помалу, десакрализацией общественного сознания, выхолащиванием высокого смысла наиболее значимых символов и архетипов деятельности, превращением их в наглядное и утилитарное пособие и подспорье в сфере духовного обналичивания новых мировоззренческих ориентиров. Процедуру расколдовывания мира, его избавления от онтологической тайны впоследствии припишут естественнонаучному сознанию, обвинив его во всех грехах капиталистической общественной формации.

Если отвлечься от второстепенных особенностей истории религий в Европе, то окажется, что с той или иной степенью десакрализации общественной жизни столкнулись все народы и культуры, и англиканская церковь вовсе не является досадным исключением из общего правила. Она, скорее, это правило выражает зримо

и без обиняков. Его особенность как раз в том и состоит, что институализация евангелической общины, представленной как церковь земная, в процессе своего огосударствления неизбежно обрастает всеми особенностями, в том числе и в первую очередь пороками, или, если сказать мягче, системными недостатками, текущего исторического момента.

Церковь в форме социального института с соответствующей организацией не является и не может быть той духовной палатой «мер и весов», которая позволяла бы не терять человечеству необходимые ориентиры в своем историческом блуждании. Эти ориентиры, в конечном счете, заданы книжной традицией и уже поэтому многозначны.

С течением времени идеологическая форма историко-социальной и политической проективности получила свое собственное воплощение в трех ведущих идеологиях евроатлантической и русской цивилизаций – в либерализме, марксизме (-ленинизме) и фашизме (нацизме). Первая и последняя из указанных форм не противопоставлены одна другой как альтернативные антагонисты, но обладают глубокой внутренне-родственной взаимосвязью.

Первый вариант свой взлёт давно завершил мировыми войнами и к периоду постмодерна оказался полностью закрытым для концептуально-практического прорыва в будущее, социальное время в нем выродилось в прозаическую, бесконечно делящуюся совокупностью последовательных, сущностно неотличимых друг от друга мгновений. Ровно такой же механической совокупностью безличных событий является и жизнь индивида, как бы он её ни расцветивал внешними яркими эффектами и какие бы пафосные и назидательные речи ни произносил.

Хорошо и наглядно также видна в этой – т.е. текущей – ситуации соглашательская позиция Церкви в лице Ватикана, легко отринувшего догматику Отцов Церкви в интересах правящей мировой элиты. Католицизм превратился из течения религиозного в идеологический конструкт, духовно поддерживающий и обслуживающий совершенно земные устремления нынешних пастырей.

Что касается второго варианта, то не всё так ясно и просто, как кажется в условиях предложенной логической дихотомии тьмы и... света? Здесь, в этой точке напряжения мысли, ищущей в настоящий момент реальный выход из сложившихся фатальных тупиков исторических процессов и системных сбоев по нахождению конструктивных решений, ищущей в условиях, когда время человеческого бытия ощутимо и реально хаотизировалось и в определенном смысле остановилось, требуется особая ответственность мыслящего. Такая ответственность у интеллектуальной части общества сейчас практически отсутствует. Это и понятно, ведь она определяется невесомой субстанцией совести, которая еще хуже поддается сознательному контролю, чем собственно мышление. С мышлением дело обстоит неважно, а тут речь идет об ответственности и совести! Поди, проверь их наличие...

Тем не менее, понятийное, философское мышление в состоянии учесть и такой неосязаемый аспект, более того, умеет поставить его в соразмерную связь со всеми остальными качествами и силами человеческого существования. Единственно, чего здесь не будет – это догматически инструктивных формулировок, которые необходимо немедленно принять к исполнению. Но время действовать и выбирать определенную позицию пришло самым неотменимым образом. Всё это приводит нас – должно приводить! – к уяснению метаисторического факта нынешней смены времен. В какой форме предполагается данное осознание? Какая форма является здесь естественной и подлинной?

Когда мы говорим о «хаотизации социального времени», то не следует это понимать только лишь как некую наглядность, которая есть не более чем метафора. Время человеческого бытия образовано ведущим общественным типом мышления: экзистенциальное время таково, каково мышление индивида, то же относится и к масштабам общества. Будущее человека лежит не в хронологическом переходе к завтрашнему дню календарно-астрономического времени, происходящему независимо от желаний и каких-либо смыслов, а подготовительно создается в сфере сознания. Возможна ситуация, когда выход к будущему закрыт, что свидетельствует о закрытости сознания. Хаотизация (представлений) времени, таким образом, симптоматически указывает на хаотизацию общественного сознания.

Проекты «общей жизни» в настоящее время неизбежно носят глобальный характер. Размах концептуализаций обязан быть предельным, ведь существующее культурно-историческое пространство общечеловеческой цивилизации определенно достигло исчерпания своих ресурсов по воспроизведению человеческого субъекта. Человечество, понятое как целое, вошло в творческую область фазового исторического перехода, отличающуюся от всех прежних аналогичных вызовов именно всеохватностью и масштабностью возможных ответов. Это и есть указанное метаисторическое событие смены времен.

Требуется очертить ситуацию с практикой решений и поисков по второму сценарию, подразумевающему приведение хаотизированного относительно нормальных онтологических координат социально-политического времени к его истинной мере. Что это за мера? Находится ли она в пространстве, скажем, некоего «золотого века», якобы лежащего в истоках человеческой культуры? Относится ли указанная «исконность», иными словами, к хронологическому и культурному прошлому, когда люди жили, в предании, по заветам богов, блюли законы и заповеди и были счастливы до преклонных лет, наступающих в мафусаиловы сроки? Следует ли нам обратиться к опыту предков и попытаться восстановить первоначальную идиллию безгрешного бытия в условиях райских кущей?

При всей видимой риторичности вопросов, тем не менее, ответы, бытующие в глобализованном общественном сознании, не так очевидны. Тенденция искать мифоподобные ответы уже является фактом информсферы. Налицо явное отторжение от просвещенчески-научных моделей будущего с их прогрессорским видением развития человечества. Последнее было в полной мере присуще советскому общественному сознанию до, приблизительно, конца 60-х годов прошлого века. Этот срок довольно точно коррелирует с целым комплексом весьма значимых событий планетного масштаба, связанным с локальным переходом цивилизации от модернистской классики с её реальными промышленными императивами к виртуализированному постмодернистскому миру нивелированных и переобозначенных символов, содержаний и приоритетов. Работающий советский проект будущего (временно) оказался закрытым, а начавшееся безудержное доминирование либеральных идей привело мир к ускоряющемуся нарастанию системно-разрушительных тенденций. Вопрос об исторической и политической всеобъемлющей стратегии вновь зазвучал со всей определенностью. Ситуация, когда коммунистический проект (в своей прежней редакции) отстранен, оставляет открытым поле иных возможных решений.

Их типовая вариативность невелика. Они либо известны, но находятся в «забытом старом», и их требуется реанимировать, либо неизвестны, и тогда нужен совершенно особый, творческий ответ. Такие ответы в истории были не раз: возник-

новение религии, философии, науки, идеологии – всё это суть формы историко-культурного творчества общественного человека.

Можно констатировать, что идеология себя на настоящий момент дезавуировала, причем это, судя по всему, означает сущностное подведение черты под попытки изобрести, выдумать, разработать, сочинить нечто идеологически небывалое, дать такое учение, которое смогло бы увлечь миллионы без негативных последствий последующего догматического угасания. Эти попытки напрасны, век (партийных) идеологий закончился с завершением эпохи модерна.

Остающиеся формы философского и религиозного видов духовной деятельности и привлекли внимание тех культуртрегеров, которые не хотят отягощаться сложностью и неопределенностью творческих поисков с непредсказуемостью их конечных результатов. Рассмотрим вариант религиозного фундирования попыток масштабного социального проектирования.

В религиях мира издревле реализуется (о-значивается и символизируется) определенный индивидуально-родовой опыт соприкосновения (прото)субъекта с фактором единства мира, подразумевающий целостное существование человека и окружающей действительности. Это форма первоначального постижения, данная в еще неузнанном виде чистой онтологии существования человеческого рода. Осознание начинается вообще с выхода за границы непосредственного и ограниченно-го пребывания, явленного в эмпирии как таковой. Непосредственное не узнаётся, а называется и учитывается, поскольку оно предстоит. Оно стоит *перед* субъектом. Узнавание же «чистой онтологии» предполагает, как минимум, умение дать логически и понятийно выстроенный и критически выверенный самоотчет по содержанию опыта. Для этого надо выйти из-под действия предстоящего и не случайно здесь возникает временная коннотация.

Мифорелигиозные, образные и метафорические описания в период их генезиса апеллировали к единственно известному обобщенному на то далекое время языку для воплощения интуиций единства и связной целостности мира и человека. Это язык символов родового бессознательного с одной стороны и его проекция на известную плоскость социальных действий, организованности и отношений, выраженных в терминах управляемости - с другой. Религиозный чувственный опыт связности индивида и бытия проходит стадию обязательной социализации именно в силу его изначальной всеохватности, которая не может быть случайным делом и достижением отдельного посвященного. В религиозном опыте, таким образом, пробивается первоначальное и недифференцированное знание сущего. Даже точнее, не знание, а первоощущение действительного бытия, содержательно бесконечно превышающего представление непосредственно, так сказать, тварного, вещно-предметного описания. В этом ощущении в дальнейшем родится универсальный феномен духовности и культуры как таковой. Основание этой рождающейся духовности, как сказано, коренится в первоощущении единства сущего, но это основание еще несобственное и не лежит в сфере понятий и рационализируемой понимаемости. Оно отягощено чувственностью – особенно это видно в католицизме с его реалистической скульптурностью, культом девы Марии (женским началом) и попытками эту чувственность обуздать в обете безбрачия священников.

Специфическая сочетаемость индивидуального и социального, данного в религиозно трактуемой трансценденции видимого и утилитарного, несет предпосылку включения индивида в спиритуализованное социальное целое как мыслящего существа, способного к культурной деятельности.

Источник религиозного опыта (единства) мы оставляем за рамками рассмотрения. На этот счет имеются интересные гипотезы разной степени правдоподобности. Одна из них, высказанная Торчиновым Е.А., связывает этот опыт с перинатальными матрицами, возникающими в процессе рождения [1]. Уточнить этот вопрос в данном случае необходимости нет, важно, что такой опыт присутствует, а индивид, соответственно, обладает соответствующими интуициями, вполне им осознаваемыми. Опыт единства сущего становится фактом сознания.

Здесь пора ввести важную дистинкцию относительно «чистой онтологии» как момент своевременной и необходимой конкретизации. Хайдеггер различает время мировое и время мирское [2]. В контексте затронутой темы это различие перетекает в дифференциацию типов сознания, соответственно, мирового и мирского. Несколько условно и огрубляя, можно сказать, что мировое сознание прозревает истину мировую и конкретно-безусловную, а мирское, соответственно, отвечает профанному и ситуативно-утилитарному пониманию. Ведущие смыслы и значимости этих типов сознания существенно различны, что далеко не всегда отражается в их текстуально опредмеченном виде. Слова могут быть одни и те же, но требуется проникновение в насыщенный ряд их значений. Мировое сознание умеет делать это хорошо, в мирском же много забывчивости и лукавства или, попросту говоря, двуличия. Опыт единства сущего не относится к имманентному содержанию сознания произвольно взятого индивида, а потому будет им имитироваться. Отсюда неизбежный рост начетничества, фарисейства и всяческого талмудизма.

Разделяя таким образом положение дел в зависимости от типа сознания, имеем различную организацию предстоящего и несовпадающее социально-экзистенциальное время. Это определяет возможность его растущей хаотизации.

Мирское профанирование религиозной формы сознания есть неустранимое звено ее функционирования. Это относится и ко всем прочим вариациям общественного сознания, выражая простую истину, что в мире нет ничего предметно идеального, что совершенно не исключает, и даже обязательно предполагает реальную бытийность искомого идеального.

Неустранимость мирского в религиозном кладет пределы качеству социального действия, основанном на ощущаемой связи с сущим и мотивированном энтузиазмом первоначия. Религиозная организация, имеющая такую связь, всегда будет растворяться сектантским движением профанического сознания с разбродом и шатанием в сфере религии институционализованной, т.е. обладающей социальным (воз)действием на массы. Это воздействие будет сколь организующим (в мирском времени), столь и дезорганизующим (в мировом времени).

Даже если (если!) исключить хаотизирующую имманентность религиозно ориентированного сознания, то мы всё равно не находим никакой возможности сделать его основанием идеологической практики с её совершенно отчетливым проговариванием и отражением в праве функций и отношений собственности, и иных социальных определенностей. Религия не занимается социумом в его устроении, подчеркивая это в максиме «богу – богово, а кесарю - кесарево», или, в каноническом переводе - «...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф. 22:15—21). Ап. Павел говорит совершенно определенно об отношении к власти как таковой: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13:1-2).

Религия предписывает принимать любую власть как свыше данную, а упреки на недееспособность властей можно всегда отместить ссылкой на непознаваемость божьего плана. Далее, вводимая фигура Бога целиком трансцендентна миру, его сущность абсолютно превышает человеческое разумение: «Естество Божие, - говорит Григорий Нисский, - само по себе, по своей сущности, выше всякого постигающего мышления, оно недоступно и неуловимо ни для каких рассудочных приемов мысли, и в людях не открыто еще никакой силы, способной постигнуть непостижимое» [3, с. 304-305].

Трансцендентность и сущностная непознаваемость основного звена, на котором предполагалось бы идеологическое базирование, вводит неустранимую иррационалистичность и мифологизацию в земное дело социального строительства. Такой фактор организует общество как теократический универсум и оставляет его развитие в традиционалистической парадигме домодернистских, доиндустриальных и донаучных форм деятельности и понимания. Будущее как новые раскрываемые смыслы здесь вообще не фигурирует, его попросту нет, поскольку в догматике всё в принципе известно, а отклонения или сомнения еретичны и недопустимы.

Должная общественная и личностная мораль должна быть выработана без поноукания со стороны фигуры наказывающего Отца, без запугивания адом за греховность поступков, но в осознании свободы и ответственности выбора как утверждения человечности без отсылки к абстрактным иррациональным условиям бытия. Такое действие будет означать осознание «нравственного закона во мне», уяснение собственной и демистифицированной онтологии человеческой субъектности. Религия же, как общественное явление еще долго останется для многих важным звеном в структуре общественного бытия, но эту ситуацию требуется понять в её сути, как говорящую о слабости субъекта, о его неготовности принять свою космофизическую родовую миссию мыслящей материи вне оправдывающих ссылок на волю «старших». Религиозность, иными словами, симптоматически обозначает этап историко-культурной незрелости и, рано или поздно, он окажется преодолённым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1998. – 544 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / Режим доступа: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt>
3. Григорий Нисский Против Евномия, кн. XII, гл. 2, ч. VI, цит. по http://www.mediaglagol.com.ua/book/21_spory_o_haraktere_i_granitsah_bogopoznaniya_v_i_v_veke

A.V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

FUTURE IDEOLOGY AND RELIGION

Annotation. The author considers the problem of choosing the basis for the formation of the ideology of the future. A review of existing options is made. One of them, which is connected with the nowadays religious conceptology and corresponding practice, is critically clarified. The actual impossibility for religion to fulfill the role of an ideological foundation is shown. This state results from the conceptual interpretations of ideology and religion as historical and cultural phenomena with shared social and existential functions.

Keywords: religion, science, ideology, future, antiquity, humanism, unity, transcendence.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 года